

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

СЮЖЕТ

1

«Русская правда». Может быть американская правда, английская правда, китайская правда. Но истина по своему определению есть нечто всеобщее, что будет актуально для всех людей, ушедших и будущих. Хотя XX век это свойство истины поставит под сомнение, вплоть до конца XIX века, скажем, до Ницше, философская истина не предполагала исключений из себя. В качестве иллюстрации приведу характерный анекдот про Гегеля. Приходит к нему как-то его ученик и говорит, что сумел отыскать в Южной Америке цветок, строение которого опровергает натурфилософию Гегеля. Философ не замедлил с ответом: «Тем хуже для этого цветка». Если факт не соответствует истине, значит, мы должны пересмотреть факт, а не истину, единую и несокрушимую.

Итак, если мы соглашаемся, что философия — это поиск истины, тогда понятие национальной философии обращается в фарс. Разумеется, может так быть, что поиск истины наиболее плодотворно осуществлялся в той или иной стране, например в Древней Греции, ввиду тех или иных социально-экономических и политических обстоятельств. Затем прерогатива поиска истины перешла в Западную Европу. Хотя здесь уже возникает известная проблема, потому что многие античные тексты дошли до Европы только в период позднего Средневековья благодаря завоеванию арабских стран, где эти тексты сохранились в целостности благодаря территориальной близости той же Греции. Отсюда вопрос, насколько философия действительно *линейный* процесс, что во временном, что в пространственном плане.

Получается, ситуативно истина может находиться в той или иной стране, но это не значит, что она имеет национальный окрас. Вообще разговор о национальности истины, о том, что у каждого народа есть если не истина (слишком громкое слово), то своя идея, свой логос, свое особое слово, которое он кладет в копилку мирового богатства

мудрости, начинается в Германии. Это делают мыслители и поэты романтической традиции в качестве реакции на универсализм Просвещения, одним из принципов которого было пренебрежение к национальной традиции. Затем эту тему подхватывает уже немецкая философия в лице прежде всего Фихте, но также и Гегеля, и Шеллинга. Фихте в порыве таких национально-философских размышлений формулирует, на мой взгляд, очень хороший, внятный тезис. *Истинный универсализм, полагает Фихте, — это патриотизм.* На бытовом языке это означает: «Начни с себя». Чтобы познать истину, ты должен начать с себя. Тут ничего нового нет, нам это еще Сократ заповедал: «Познай самого себя». Познание истины начинается с познания самого себя, всеобщее можно увидеть только посредством единичного. Если ты хочешь миновать единичное и сразу прибегнуть ко всеобщему, ничего не получится, ты впадешь в пустую абстракцию. Поэтому единичное, частное — это необходимое начало, и, постепенно анализируя, погружаясь в это частное, ты обнаружишь в его глубине универсальное, всеобщее, единое. Это одна из возможных трактовок евангельской фразы: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17:21). Ты не полноправный властелин и носитель Царствия Божия, но ты его начало. То же самое и с общим философским процессом, который может быть истолкован как процесс понимания нацией самой себя. Если одна из главных задач философии — это познать себя, то нация может познать саму себя только через свою философию, запустив свой национальный философский дискурс. И когда дискурс состоится, когда она вполне познает саму себя, тогда она может выйти на мировую арену и сказать то самое новое слово, которое продолжит исторический процесс. Минуя самих себя, прийти сразу ко всеобщему ни в личном смысле, ни в смысле политическом не получится. Мы всегда начи-

наем именно с этого, вроде бы достаточно узкого отрезка бытия, таящего в себе сердцевину целого.

Поэтому истинный универсализм — это патриотизм; нельзя сразу стать универсалистом, это будет универсализм в вакууме, «сферический конь», что-то очень искусственное, гомункул, мысль, выращенная крайне неестественным образом. Универсализм начинается с патриотизма, любви к родине: полюби родину — полюбишь весь мир, полюби вот этого конкретного человека — полюбишь человечество. А ведь очень часто получается, что, когда мы провозглашаем себя гуманистами, мы имеем в виду только любовь к человечеству, а вот этого конкретного человека как-то не особо хочется в человечество включать, не получается его полюбить. От него дурно пахнет, он придерживается иных взглядов — мало ли найдется причин! Человечество хорошо, приятно, потому что оно где-то вдаль, в умозрительной идее. В умных книжках пишут: «Необходимо быть человечным, что значит — любить человечество». Это замечательно, на это я готов, но вот этого конкретного человека, что сейчас сидит подле со всеми своими глупостями и грешками, — нет; человека как понятие — хорошо, люблю, но человека, в три часа ночи пьяные песни у меня под окном поющего, я полюбить не могу. Это та же самая схема: на самом деле трудно полюбить именно то, что близко, и очень легко — то, что далеко. Человечество далеко, родина близко. Легко философствовать о том, чего ты не знаешь, и очень трудно философствовать о том, что тебе близко, о том, что тебе больно.

И это первый аргумент в пользу того, что философия может быть национальна, потому что философия — это про близкое и больное. Истинный универсализм, который относится к философии, — это патриотизм, который реализуется только в народе.